

Переводчик этой главы "Рак-Вожак". Большое ему спасибо за то, что разрешил выложить его работу здесь!

----- С возвращением, данная вселенная немного особенная для меня, так как в ней представлено возможное будущее, которое показывает противопоставление между мечтой быть героем и реальностью становления им, — сказал Бланк, как только его зрители, снова полные сил, вернулись на свои места.

— Возможное будущее? О, о, мы опять увидим того другого Короля Жона? — Нора взволнованно подпрыгнула на месте, вспомнив прошлую версию своего лидера.

— Король Жон? — растерянно переспросил Тайянг, все еще несколько обескураженный происходящим.

— Ох, точно, тебя же тогда, пап, не было; в общем, в той вселенной Жон основал свое королевство после того, как спас мир от Гримм, и стал королем. А потом он вернулся в прошлое, чтобы спасти еще и его, — возбужденно ответила Руби.

— Достаточно близко... однако этот Жон намного мрачнее. В отличие от версии с королем, он не смог отыскать свет и закончил тем, что впал во тьму, — сказал Бланк, заслужив парочку неуверенных перешептываний.

— Не то чтобы я подвергаю твои слова сомнениям, но в той версии Арк не поглумился запытать свои врагов до смерти, просто чтобы наказать. Насколько еще мрачнее можно быть? — спросила Вайсс, припомнив дружелюбного призрака, который очень гордился страданиями тех, кто причинил ему зло.

— Запывал до смерти? Чего? — Тайянг был не против сказать еще пару лесных слов, однако рука Кроу на его плече все же заставила его утихнуть.

— Та версия парнишки потеряла всю свою команду, спасибо сам знаешь кому. Ты закрылся в себе после смерти Саммер, а парень вместо этого пошел в разнос и устроил месть. Очень кровавую месть.

— Если и есть ещё кое-что, что вы должны знать, так это то, что все резко может стать ещё хуже. Как некоторые имеют мудрость говорить: нет хуже судьбы, чем быть героем, поскольку рано или поздно вы отправитесь в приключение и не вернетесь, оставив всех остальных позади, — Бланк пожал бы плечами, если бы у него было тело, но вместо этого он просто замерцал на месте.

Саммер слегка опустила голову, вспомнив, как ушла на свое последнее задание и больше не вернулась. Оставив свою семью оплакивать её. Быстрое сжатие руки от мужа и объятия дочерей помогли ей избавиться от наплывшего чувства вины.

— Но есть кое-что похуже, чем просто умереть в приключении. Это возвращаться после того, как его раз за разом предают собственные идеалы. Почти в каждом возможном будущем вашего мира, где Жон Арк доживает до взрослых годов, он становится с героем в глазах людей, легендой в своем собственном праве. Вот только его легенда всегда объята трагедией. И этот Жон фактически сломлен бременем, которое несет. Мальчик, который мечтал стать героем, но обнаружил, что все, что ждет его в конце, это оружие, разбитое его собственными мечтами.

— Короче, мы будем смотреть трагедию. Великолепно, просто великолепно, — пожаловалась Янг, вскинув руки в воздух, совсем не заинтересованная в том, чтобы наблюдать, как версия её возлюбленного погружается в отчаяние.

— Полагаю, так можно было бы описать всю его жизнь, и это была бы совершенно правильная интерпретация, однако все не совсем безнадежно. Ой, я уже отвлекся, позвольте мне просто начать шоу, — посмеялся Бланк и приглушил свет, вскоре после этого включился экран.

Окаменевший Дракон Гримм возвышался над руинами Бикона, каменные крылья отбрасывали тень на разрушенный дворик внизу, словно осенние листья, колышущиеся на ветру. Заходящее солнце окрасило мир в красный и золотой цвета, пока звезды медленно начали появляться на вечернем небе.

Три рыцаря стояли в пустом дворике, два светловолосых стояли лицом к серебряноволосому. Слегка повзрослевший Жон крепко сжал Кроцеа Морс в своей руке, встретившись с непоколебимым взглядом Арчера. Арчер не держал оружия, а просто сидел на полуразрушенной статуе охотника, глядя вниз на своих оппонентов. Между ними не было произнесено ни слова, пока продолжалась их битва взглядов.

— Сперва я так и не понял, кем ты был на самом деле. Другие героические духи, сами их легенды уже были predetermined, и у меня было достаточно времени, чтобы опознать всех их. Но не тебя, — первым нарушившим молчание был Жон, когда тот шагнул вперед. — Ты называешь себя фальшивкой, героическим духом, способным копировать любое оружие, которое увидишь, и не только это, но также получать все навыки владельцев данного оружия. Тем самым ты можешь сражаться с ними с полной имитацией оригинала. Со всем оружием и навыками в твоём арсенале, не понять кто ты на самом деле невозможно. Слишком много возможностей, и ни одна легенда или сказка никогда не описывала существо, подобное тебе.

— Копирование оружия? Вроде бы у Вельвет такое Проявление. Я даже почти уверена, что как-то увидела, как она использовала свою камеру, чтобы создать копию Кресент Роуз.

Противник Жона тоже использует праховый плотный свет? — с любопытством спросила Руби, вспомнив фавна-кролика, студентку со второго курса. Она было немного странной из всех охотников, так как большинство из них обычно дрались одним определенным оружием, в то время как Вельвет была единственной, о которой она слышала, кто использует копии оружия других людей в качестве основной формы боя.

— Это превосходящая версия способности твоей знакомой, и никакого праха здесь и в помине нет, только магия. Единственная магия, доступная ему, — ответил Бланк.

— Магия? Это как-то связано с героическими духами, о которых чуть ранее упомянул мистер Арк? — Озпин оживился при упоминании магии, его мозг пришел в движение, когда множество теорий боролись за свое место в его голове.

— Героические духи - это личности, которые достигли в жизни столь многого, что стали бессмертными в легендах. Данное место действие происходит во время войны Грааля, конфликта, вызванного созданием искусственной пятой реликвии.

— П-пятой реликвии?! Это невозможно, — Озпин быстро отринул такую возможность, так как реликвий всего было четыре, и все они были творениями Братьев Богов. И поскольку они отказались от Ремнанта, создание пятой реликвии было просто напросто невозможно.

— Боги, возможно, и оставили Ремнант, но отголоски их силы все еще продолжают существовать, мощные, как и было всегда. Гримм принадлежат Богу тьмы, и хотя сила Бога света менее ощутима, её присутствия ничуть не меньше. Пятая реликвия, Святой Грааль, была создана путем сбора этих отголосков и объединения их в единый объект, используя при этом силу остальных четырех реликвий. Он обладает силой исполнить любое желание, — объяснил Бланк, когда все внимание аудитории приковалось к нему.

— Что это вообще за реликвии? И желание? То есть что, я могу просто пожелать стать самым богатым на Ремнанте? — спросил Роман с немалой долей скепсиса в голосе.

— Реликвия это именно то, что осталось от Богов, то что содержит часть их силы. Пятая искусственная была создана, и тебе позволено загадать желание. И оно исполнится, только не так, как ты ожидаешь. Грааль осквернен, запятнан тьмой в сердцах его создателей. Любое желание, исполненное им, неизбежно приведет к концу света. Пожелай ты стать самым богатым, Грааль исполнит это желание, мгновенно убив всех остальных, оставив тебя единственным в живых и, по умолчанию, самым богатым, — услышав такой ответ, Роман замолчал.

— Ясно... получается, устроено все через жопу, а откуда тогда взялась эта часть с

героическими духами?

— Перед исполнением желания Граалю требуется энергия для его осуществления, ещё больше энергии извлекается из других четырех реликвий, и именно с этой целью была создана система войны Грааля. Воссоздаются копии легендарных духов и устанавливается связь с их душами в загробной жизни, что позволяет их копиям функционировать так же, как и оригиналам. У каждого из них есть свое желание, которое они хотят исполнить, и они будут сражаться, пока не останется только один – конфликт заряжает Грааль, и желание дается победителю. Каждому духу присваивается класс, отражающий его легенду и боевой стиль. Здешний партнер Жона – Сейбер, а его противник – Арчер.

— Но если Грааль ведет к концу света, почему они сражаются за него? — в замешательстве спросила Руби.

— По многим причинам не все герои равны. У некоторых легенды написаны кровью, и они не желают ничего, кроме конца света. Другие борются за то, чтобы конец никогда не наступил. Ваш друг здесь пытается уничтожить Грааль, чтобы убедиться, что его зло больше никогда не обрामит весь Ремнант.

— Достойная цель, — проговорил Озпин и хлебнул кофе.

— Значит, ты открыл правду. Скорее всего, в тот момент, когда я использовал ту комбинацию парирования и удара. Много же времени у тебя ушло, чтобы все понять, — рыцарь с серебряными волосами насмешливо ухмыльнулся и медленно похлопал в ладоши, поздравляя Жона.

— Ха, сначала я попытался выяснить, в каком же моменте истории ты фигурировал, но потом я увидел, как ты побил Лансера копией моего Кроцеа Морс. Вот тогда-то меня и осенило, что это было попросту невозможно, даже с твоей способностью скопировать мои навыки, — дернул плечом Жон, и его взгляд потяжелел.

— Я, копировать тебя? Не льсти себе. Как будто мне надо копировать кого-то вроде тебя, никчемная подделка, — прозвучавший надменный тон заставил Жона стиснуть зубы и крепче сжать меч.

— Грр... Мне он не нравится, сломай ему ноги, бесстрашный лидер! — крикнула Нора, и Рен снова попытался успокоить её, чтобы не дать упасть еще одному ведёрку попкорна.

— Хе-хе, — посмеялся Бланк, а после замолк.

— Естественно, тебе не нужно копировать меня. Ведь это было движение Пирры, из всех тех вещей, которым она пыталась научить меня, прежде чем Синдер убила её, это было именно то, что я никогда бы не смог сделать сам. Ты не смог бы скопировать мое движение, даже если бы попытался, — Жон горько улыбнулся, вспомнив ночные тренировки, ещё до «Падения», по иронии судьбы это был один из самых первых приемов, которому пыталась научить его ныне покойная партнер. Простой парирующий контрудар, но это было единственное движение, которое ему никак не удавалось сделать правильно.

— Погодите, я опять мертва? О нет, — Пирра сцепила руки и сжала колени в комок. Чтобы успокоить её, Рен и Нора обняли её.

— Как мило, что ты понял все благодаря собственному провалу, — Жон проигнорировал укол и продолжил высказывать свои мысли.

— Ага, именно тогда я понял, что делаю неверные предположения о природе войны Грааля. Я думал, что только потому, что у каждого другого духа за спиной была четкая легенда в истории, то это относится и к тебе. Вот только все не так, ведь я так не смог найти твою легенду, потому что искать было нечего. Твоя легенда ещё не написана, я ведь прав?

— С реликвиями понятие времени как линейной прогрессии неприменимо. Написана легенда в прошлом или в будущем, не имеет значения – герой может быть призван в настоящее независимо от этого. Раз теперь твоя личность раскрыта, так скажи же мне, почему ты так ненавидишь Жона Арка? — спросила Сейбер, делая шаг назад, эта схватка будет между двумя героями, и присутствовать при ней она будет только как свидетель.

— Почему я его ненавижу? А как я могу не ненавидеть его? Жон Арк – подделка, обманщик и лицемер. Кретин, который мечтает о том, что выше его самого, дурак, который шагает вперед, не заботясь о последствиях. Кому-то вроде него самое место в могиле, где он больше не сможет создавать проблем. Знаешь, из всех духов, охотящихся за Граалем, я единственный, кому он не нужен, чтобы исполнить мое желание. Просто находясь здесь, я могу стереть пятно, которым является Жон Арк, с лица Ремнанта, и мое желание исполнится.

— Эй! Забери свои слова обратно, придурок! Да, Жон может и не самый умелый в бою, но он старается изо всех сил, чтобы стать лучше! Когда ты уже перестанешь его оскорблять?! — прокричала Руби в экран, злясь на человека, который оскорбил её первого друга в Биконе.

— Потихе, Краснуля, это просто фильм. И если этот мужик из еще более далекого будущего, то твой парнишка, должно быть, серьезно насолил ему, — сказал Торчвик, получив несколько сердитых взглядов.

— Сам потихе, преступник, ты говоришь о нашем друге, так что не суй свой нос в не свое дело, — холодно проговорила Вайсс.

— Хе, никогда бы не подумала, что увижу, как ты защищаешь Жона, Вайсс-кимо, — Янг играючи хлопнула по плечу наследницу Шни.

— Пф, этот дурак может и раздражает... но я все же признаю, что он прошел долгий путь с

момента своего появления в Биконе.

— Хватит уже, Сейбер, мои сны все еще обрывочны, но я помню достаточно, чтобы знать, что я единственный человек, которого он никогда не сможет принять, и обратное тоже верно. Арчер... нет, героический дух Арк единственный человек, которого я никогда не признаю.

— Погодите, что?

— Значит ты все-таки не настолько наивен. Жаль, но это мало что меняет.

— Но почему, я просто не понимаю, почему вы обязаны драться. Арчер, ты венец идеалов и мечтаний Жона Арка, верно? Так почему же идеал ненавидит себя? — спросила Сейбер с того места, где она стояла в стороне.

— Именно потому, что я являюсь идеалом Жона Арка, я не могу принять его существование. Я не стал героем так же, как ты Сейбер. Ты войдешь в историю как рыцарь прямо из сказок, герой, которая спасла королевство, которая ушла в закат и навсегда обрела свое счастье. Я? Я же спас мир, и мне пришлось смотреть, как он сгорает дотла прямо на моих глазах, — рассмеялся Арчер печальным прерывистым смехом. — Но в одном ты права. Я действительно стал героем, каким всегда хотел быть Жон Арк. Я - Жон Арк, который прошел по пути героя до самой финишной прямой. И именно поэтому я знаю, что это ошибка. Из собственного лицемерия и эгоизма я стремился стать героем, но в конце пути меня ждало лишь сожаление.

— Стойте, так седовласый тоже Жон? П-почему же он тогда так сильно ненавидит себя? — смущенно спросила Янг.

— ...Этот Жон совершил ошибки в своем прошлом и не может простить их себе. Вот почему он

ненавидит себя прежнего – видеть, как другой человек совершает те же ошибки, что и он, как этот человек шагает по тому же пути, по которому когда-то прошел он сам. Он просто не может этого вынести, — ответила Блейк, опустив голову. В глубине души она знала, что если когда-нибудь столкнется со своей прошлой, до Белого Клыка версии, то, вероятно,отреагирует точно так же.

Арчер спроецировал копию Кроцеа Морс в его первоначальном неизмененном состоянии и поиграл с ней.

— В войне с Салем и ее войсками мне не хватало силы. Жон Арк был недостаточно силен, чтобы что-то изменить, поэтому я воспользовался реликвиями, чтобы обрести силу. В обмен на мою внешность и всю мою ауру, я получил магию, истинную магию. Способность мгновенно узнавать полную историю любого оружия, которое я вижу, и получать копию навыков их владельцев благодаря Реликвии знания. И способность создавать копии упомянутого оружия благодаря Реликвии созидания. С этой новой силой я начал побеждать. Убивал Гримм тысячами, целые орды переставали существовать, как только я хоронил их под стальным дождем, даже древний Гримм пал перед моей мощью. С этой силой я стал... непобедимым, — блекло-пустые глаза уставились на Жона.

— И что же поменялось? Какой поворот судьбы мог привести тебя к нынешнему? — спросила Сейбер, и Арчер фыркнул, а после отбросил копию Кроцеа Морс, позволив ей распасться на частички света.

— Что поменялось, так это то, что я победил. Я победил Салем, разорвав её связь с Гримм, сослав её на Луну, где она больше никогда не сможет влиять на Ремнант. Когда их хозяйка исчезла, Гримм просто развалились на части, возвращаясь во тьму и собираясь в Гриммовых лужах. Я спас мир от Гримм и за это стал известен как герой.

— Он избавил Ремнант от Гримм? Разве это не хорошо? С чего бы ему об этом жалеть? Что, он негодует, потому что они не сделали его королем мира или что-то в этом роде? — Роман пожевал сигару, стараясь не думать о том, что кто-то может пожалеть о том, что уничтожил Гримм. Синдер не в счет, естественно.

— Должно быть, победа досталась ему слишком дорогой ценой, — ответил Озпин с легкой грустью, снова его студент был ответственен за избавление от угрозы Салем, и снова он был тем, кому приходилось платить за это.

— Мир вступил в новый золотой век. Без угрозы со стороны Гримм охотники могли сложить оружие, а Королевства могли спокойно расширяться, возвращая земли, потерянные давным-давно. Человечество могло наконец процветать после столь чертовски долгого перерыва. Вот только не все так было светло и радужно: без Гримм не было больше необходимости подавлять негативные эмоции из-за страха их вторжения. Люди на фронтире начали делать все, что им заблагорассудится, число бывших охотников, решивших создать свои собственные маленькие королевства, поработив пограничные деревни, было удручающе велико. Я думал, что смогу отдохнуть после победы над Салем, но нет. Меня снова и снова тащили сражаться против худшего, что могло предложить человечество, — горько рассмеялся Арчер, вспомнив, как впервые лишил человека жизни.

Выпускник Академии Атлас, которому было не больше двадцати. Опыненный силой, которую его аура давала ему над простыми массами, он стал частью бандитской шайки, которая превратила жизнь шахтерского городка в сущий ад.

Слух о его преступлениях распространился, и его вызвали, чтобы разобраться с ситуацией. После столь долгой борьбы с войсками Салем он слишком остро отреагировал и сразил его градом клинков еще до того, как сам бандит заметил его появление. Оставшийся труп едва напоминал человека. Остальные бандиты вскоре присоединились к нему в загробной жизни.

Люди приветствовали своего спасителя, но он чувствовал только пустоту внутри. Всю свою жизнь он мечтал стать героем, мечтал спасти других от Гримм, как это делали многие поколения его семьи. И теперь все навыки и силы, которыми он обладал, были обращены, чтобы обрывать жизни других людей. Его тошнило от самого себя до глубины души.

И с годами это первоначальное сожаление и горечь растворились в бесчувствии, когда число его собственных убийств достигло тысячи. Бандитские шайки, царьки, террористические

группировки – все пали под его магией. Чем больше люди ликовали, тем больше его ненависть к другим становилась направленной вовнутрь. Он убивал тысячи, чтобы спасти миллионы, но в какой момент можно пересечь грань между тем, чтобы быть героем и быть монстром? Грань, которая раньше была так четко определена, становилось все труднее и труднее различить с течением времени.

— Хочешь знать, как долго длился золотой век, которому я положил начало? Двадцать лет. Двадцать блядских лет относительного мира для Королевств. А затем разразилась Вторая Великая война, когда амбиции по расширению вступили в противоречие.

Королевства пришли к выводу, что больше нет необходимости в четырех Королевствах, когда достаточно лишь одного. Как оказалось, все те технологии, которые раньше шли на создание лучшего оружия для борьбы с Гримм, также неплохо применялись на изничтожении людей. Мир сгорел в пламене войны, и это все моя вина.

— Это не было твоей виной, это было... — начала было Сейбер, но была отрезана покачиванием головой.

— Моя и только моя вина. Я тот, кто уничтожил Гримм, я тот, кто позволил выставить на всеобщее обозрение худшие личины человечества. Я тот, кто создал безвыигрышную ситуацию для человечества. Как только началась Вторая Великая война, не имело значения, чьей стороне я помогал – каждое мое действие вело только к новым смертям и приближало ко всеобщему концу. Я обагрив свои руки стольким количеством крови ради спасения других, но в конце все было напрасно. Знаете, как это иронично, Гримм медленно вели человечество к вымиранию, но они были единственным, что удерживало человечество от самоуничтожения. Весь мир – это большая праховая бочка, и я поджег фитиль, — Арчер закрыл глаза, и какие-то несколько секунд можно было видеть павшего перед отчаянием человека, прежде чем тот был стерт и надменно выражение вернулось на его лицо.

— Это... это просто погано, — Кроу сделал большой глоток из своей фляжки и поморщился, его слова подытожили мысли безмолвного театра.

Озпин прикусил щеку, глядя в свою полупустую кружку с кофе, его искаженное отражение смотрело на него в коричневой жидкости. Так долго он обвинял махинации Салем в невозможности объединить человечество, но если это было будущее, которое ожидало их после уничтожении Гримм как угрозы...

Нет, он этого не примет. Озпин тряхнул головой, отгоняя негативные мысли. Очевидно, что-то пошло не так в этой версии будущего, но так же, как все пошло к ужасному концу для Арчера, было будущее, где все пошло лучше для Короля Жона. Ему только оставалось надеяться, что будущее обернется светлой стороной.

«Надеяться, да? Когда в последний раз у меня вообще имелась надежда?»

— Раз за разом я выходил на поле боя, пытаюсь положить конец конфликтам и спасти всех, кого можно. Обезумевшим от крови солдатам и автоматическому оружию наплевать на жертвы среди мирного населения, поэтому я убивал, чтобы остановить кровопролитие невинных. Убивал, убивал и ещё больше убивал. Но это никогда не кончалось, на горизонте всегда маячило другое поле битвы, всегда ждала другая цель. Я никогда не мечтал о мире без конфликтов, я просто хотел помочь создать мир, в котором больше не будет место слезам, где детям не придется расти сиротами из-за Гримм. И вот однажды я осознал, насколько пусты были мои мотивы, как мало усилий я приложил, чтобы понять свою цель. Стать героем и спасти всех? Не смешите. Невозможно спасти всех. Спасти многих – значит отказаться от нескольких, я просто притворился, что не замечаю этого факта.

— И поэтому ты отказался от своей мечты? Отбросил все, что тебе было дорого? Стал трусом!?
— гнев Жона становился все сильнее, когда он зарычал на себя будущего.

— Стал трусом?! Ха-ха-ха-ха-ха... ты так говоришь, как будто мы были чем-то другим, а не трусами! Всегда слишком боимся столкнуться с последствиями своих собственных поступков, пока не станет слишком поздно и мы не столкнемся с ними лицом к лицу. Само существование Жона Арка искажено его идиотской мечтой. Чтобы создать мир, где никого не нужно убивать, я убивал тысячи людей. Несмотря на желание, чтобы мои руки больше не были запятнаны

кровью, я без колебаний продолжал вырезать кровавую дорожку через весь Ремнант. Даже когда я сказал, что не хочу, чтобы кто-либо проливал слезы, именно я в конечном итоге довел весь мир до отчаяния. Такова истинная сущность героического духа Жона Арка, и разве ты не согласен, что миру было бы лучше без такого человека в нем? — Арчер призвал копию Кроцеа Морс и кинул ее Жону. — Кроцеа Морс, меч, ответственный за столько смертей и страданий в Первой Великой войне, и все это под знаменем революции, которая обещала принести светлое будущее. Оружие, которое воплощает в себе определение необходимого зла. Убей себя, Жон Арк, избавь мир от зла, которым ты являешься.

— Я не верю, что ты зашел так далеко, как ты считаешь, Арчер, даже если тебя предали твои собственные идеалы. Ведь именно поэтому ты здесь, пытаешься убить себя прошлого и искупить свои грехи, — сказала Сейбер, прежде чем замолкнуть, когда еще один порыв глухого смеха достиг ее ушей.

— Искупить свои грехи? Я уже мертв, Сейбер, какие бы грехи я ни свершил, я умер вместе со своим оригиналом. Когда я продолжил свою кампанию, чтобы положить конец войне, я нажил врагов во всех четырех Королевствах, людей, которые не желали видеть причину. Моя магия делала меня почти неприкасаемым, и пока я жив, ни одно из Королевств не могло пойти на полномасштабное наступление, чтобы я не уничтожил их армии. Поэтому в своем стремлении уничтожить друг друга они затеяли безрассудный гамбит, зная, что я не смогу остаться в стороне, — глаза Арчера остекленели, когда он вспомнил, как до него дошли те новости.

Сообщения о том, что Королевства мобилизуют свои силы, поступали уже несколько недель от тех немногих контактов, которые у него остались. По улицам ходили слухи, что Королевства устали от кровопролития и готовятся к последней битве, где победитель получит все. Услышав это, Жон рассмеялся, и фаталистическая улыбка не сходила с его лица. Его время истекло, Королевства больше не хотели терпеть его вмешательства и были готовы пожертвовать жизнями своих людей только для того, чтобы убрать его с общей картины, только для того, чтобы они могли вернуться к счастливой резне друг друга.

— Четыре армии встретились на поле брани недалеко от небольшого поселения – то была приманка, чтобы выманить меня. Я не мог просто позволить боям продолжаться и уничтожить город, поэтому я двинулся к линии фронта. Три дня я без продыха сражался против всей четверки, обескровил первые волны и их подкрепления. Целых три дня я стоял один против всего мира, когда его величайший герой стал его величайшим злодеем – в конце концов у меня просто закончились жизненные силы, питавшую мою магию, и я умер там, где стоял. Армии Ремнанта превратились в бледную тень того, чем они когда-то были. В тот день, когда я умер,

общее число моих убийств превысило миллион.

— Дерьмо, — медленно выдохнула Руби, и ни у кого не хватило духу отчитать ее за подобранные слова.

— Королевства не сделали бы... не сделали бы такое? — тихо спросила Пирра крохотным голоском.

— О, ещё как бы сделали. Королевствами правят советники, и они коррумпированы до мозга костей. Единственное, что имеет значение для сильных мира сего, это их собственная безопасность и комфорт. До тех пор пока они остаются у власти, весь остальной мир может гореть, а сами они не прочь будут отдохнуть за бокалом вина, — издевательски сказал Роман.

— О да, ты-то в этом знаток, не так ли, Торчвик? Вот прямо не похоже, что ты не собирався сделать то же самое, — зашипела Блейк, сверкнув глазами.

— Во-первых, у меня нет выбора. И во-вторых, собственно говоря, да, я бы так и сделал. Для советников единственный хороший герой — это мертвый герой. Мертвые служат мучениками, вдохновляющими овец, в то время как живые склонны поступать правильно в убыток советников, как это и сделал твой дорогой друг.

— И чего стоят слова преступника, если не против, я бы хотела, чтобы ты не пытался испортить моих студентов, — сказал Гудвич, поправ очки.

— А что так, Гудвич, то что ты называешь испорченностью, я называю правдой. Неужели ты думаешь, что я всегда был преступником? Много лет назад я тоже был охотником, пытался стать героем, сделать мир лучше. А потом случилась гора Гленн. Моя команда участвовала в

эвакуации, и знаешь что? Мы почти добрались до Вейла, Гримм были в милях позади нас, и Совет во всей своей мудрости обрушил туннели на наши головы. Они похоронили нас всех заживо, просто чтобы не иметь дела с беженцами, убили почти всех. Но я выжил, и я нашел Нео в обрушившемся поезде, мне потребовалось два дня, чтобы прокопать наш путь наружу, остальная часть моей команды не выжила, а Нео? Травма горла означает, что она никогда не заговорит... никогда. Совет решил, что это трагедия, что если бы только беженцы были быстрее, но с Гримм прямо за их хвостом они должны были быть принесены в жертву на благо Вейла. И все, сказочки конец, фиг вам, а не даже какой-нибудь затрепанный мемориал в память о погибших – всего пара слов и гора Гленн становится просто ещё одним воспоминанием, которое нужно забыть.

Вот тогда-то я и понял, что в этом мире нужно стать на вершину, потому что всему остальному миру, черт побери, полностью и бесповоротно насрать на тебя, — Роман в этот момент уже запыхался и только Нео, что дергала его за рукав, заставила его успокоиться, и в его глазах медленно испарился маниакальный блеск.

— Точно... прости, немного потерялся в воспоминаниях. Я веду к тому, что мир не такой уж черно-белый, как вы думаете. Попробуй стать героем, и будешь в конечном итоге мертв или ляжешь с ножом в спине. Большинство не улавливают этот урок, пока не становится слишком поздно, — хмыкнул Роман, наклонив шляпу, чтобы прикрыть глаза, и откинулся на спинку сиденья, отключившись от остального мира. Остальная часть театра, со своей стороны, молчала после вспышки Романа.

— Я никогда не искал славы или награды за свои поступки. Я просто хотел жить в соответствии с наследием моей семьи и создать мир, в котором каждый мог быть счастлив. Но ничего из этого я не получил, вместо этого я стал легендой, и мое наследие было миром, полным страданий.

— Значит, ты сожалеешь обо всем этом. О Биконе, JNPR, RNJR? — спросил Жон с пустым выражением.

— Разумеется сожалею. В конце коцов, все это привело к моей судьбе.

— Хммм, тогда я думаю, что мы и правда разные люди, — Жон мягко улыбнулся, впервые улыбка украсила его лицо с тех пор, как он понял правду о человеке, известном как Арчер. — Если и есть что-то, о чем я никогда не буду сожалеть в жизни, так это Бикон. Рен, Нора, Руби, Вайсс, Блейк, Янг... Пирра. Узы, что я выковал с ними – я никогда не буду сожалеть о них, независимо от того, что ждет меня в будущем. Я никогда не стану тобой, — заявил Жон и отбросил копию Кроцеа Морс, направив настоящий меч против себя будущего.

— ...Кретин, разве ты не видишь, что каждый твой выбранный шаг только приближает тебя к тому, чтобы стать мной. Если ты продолжишь идти по этому пути, однажды ты увидишь мое лицо, смотрящее на тебя в зеркале. Я и есть твоя судьба!

— А это и другое отличие: я не верю в судьбу! Нет другой судьбы, кроме той, которую я создаю сам! Так что нет, я никогда не стану тобой.

Когда последние лучи солнца начали меркнуть и небо окрасилось в цвета темно-синей ночи, воцарилась тишина. Арчер первым моргнул, преувеличенно тяжело выдохнул и пожал плечами.

— Что ж, полагаю, это правда. Если ты в своей глупости продолжишь настаивать на том, что пойдешь по этому пути, я убью тебя здесь, чтобы ты был слишком мертв, чтобы стать мной. Никакого будущего для тебя не будет, — спрыгнув со статуи на землю, Арчер двинулся вперед.

— Сейбер, что бы ни случилось, не вмешивайся. Этот битву я должен пройти сам.

— Но...

— Никаких «но», Сейбер. Арчер это стена, которую я сам должен преодолеть. Trase...

— Он, — закончил Арчер, и копии Кроцеа Морс сформировались в их руках, две подделки, одна у Арчера, а другая – в свободной руке Жона.

— Значит, благодаря резонансу в наших душах, у тебя тоже есть моя магия, вот тебе только не хватает опыта. Ты правда думаешь, что сможешь совладать со мной? Одна ошибка, и я проткну тебя насквозь, — больше не нужно было говорить ни слова, так как два Жона бросились друг на друга, клинки столкнулись в ливне искр.

Среди развалин Академии они танцевали танго из стали и смерти. Арчер постоянно давил на атаку с грузом десятилетий опыта за спиной, что подавляло его прошлого, несмотря на его отсутствие ауры.

Мало-помалу Жон был вынужден отступать назад, пока, наконец, его неверный шаг не позволил Арчеру использовать всю свою мощь в одном ударе, разбив копию, которую он держал в руках, и обезоружив Жона от оригинального Кроцеа Морс.

Сделав шаг назад, чтобы избежать смертельной раны, Жон призвал копию одной из гранат Манхильд и взорвал ее в упор, используя взрыв, чтобы оглушить Арчера и создать расстояние между ними.

— Думал твои проекции ровня моим? Обертка может и красива, но что толку от нее, если ее недостаточно? Тебе не хватает концентрации, твои копии не имеют никакой основы, и они до чертиков хрупки. Не более чем шутка, коей ты сам и являешься, — усмехнулся Арчер, когда кровь потекла из пореза на его лбу, из того места, где шрапнель задела его.

Жон зарычал и призвал ещё несколько копий оружия, на этот раз появилась копия Кресент Роуз в форме косы. Нажав на курок и используя отдачу, чтобы задать себе импульс скорости, Жон ударил Арчера, целясь ему в шею.

Серебряноволосый парировал атаку мечами и нанес ответный удар, только для того, чтобы Жон снова увернулся, воспользовавшись Кресент Роуз, чтобы отскочить назад.

Переключившись в режим винтовки, Жон начал палить до тех пор, пока магазин не иссяк, вынуждая Арчера блокировать его поспешно вызванным щитом. Его боевой стиль был грубым и не более чем бледной имитацией Руби, но чем дольше он сражался, тем более плавными становились его движения и тем ближе он подходил к достижению той же грации, что и его давняя подруга.

— Ого, Жон теперь приятель по косам... Круто! — взвизгнула Руби от возбуждения, увидев, как Жон использует её гордость и отраду, чтобы победить его более старшую, не очень хорошую версию себя самого. Несколько согласных шепотков были единственным ответом, который она получила, поскольку остальные все еще были погружены в свои мысли.

В Кресент Роуз появились трещины, и вскоре та раскололась от давления. Ничуть не смутившись, Жон вернул Кроцеа Морс в свои руки и снова начал скрещивать клинки с Арчером.

Одно за другим его оружие разбивалось вдребезги, но каждый раз, когда они сталкивались, оружие держалось все дольше и дольше, а Жон становился только сильнее и быстрее.

Наконец, они оба отпрыгнули друг от друга, когда оба Жона одновременно разбили свое оружие. Арчер сплюнул в сторону и холодно оглядел себя молодого.

— Так вот, почему ты всё ещё держишься. Каждый раз, когда мы обмениваемся ударами, резонанс души лишь становится сильнее, и ты получаешь больше моих навыков и опыта. Ты копируешь меня.

— О как? Хе, значит мы оба подражатели. Просто подожди, продолжай сражаться, и я догоню тебя прежде, чем ты это поймешь, — Жон спроецировал свое оружие и ухмыльнулся.

(П.п https://www.youtube.com/watch?v=lA0a22MM6m4&ab_channel=CHMusicChannel)

— Догонишь меня? Даже когда моя душа истекает кровью из-за тебя, ты так и не осознал свою собственную глупость. С самого начала у тебя не было шанса на победу! — взревел Арчер и мгновенно сократил расстояние между ними взрывом магии.

Жон едва успел поднять свои мечи, чтобы отразить смертельный удар, поэтому он все равно был отброшен на несколько шагов назад чистой силой удара, а его аура вспыхнула в ответ на урон, который угрожал сломать обе его руки.

Зрение Жона замерцало, когда магия Арчера переплелась с его собственной, навязывая ему воспоминания о его будущем. Коричневая, серая, нескончаемая печаль. Он видел себя плачущим на похоронах Пирры, пустой гроб, опущенный в землю, без тела, которое можно было бы похоронить.

Он видел себя кричащим небесам, когда они хоронили Вайсс. Он видел себя стоящим на коленях в грязи держащим слишком неподвижную Руби после того, как алая воительница превратила Синдер в камень.

По мере того, как поля сражений переходили от одного к другому, число его друзей уменьшалось. Пока, наконец, он не остался совсем один, стоя на холме из трупов посреди океана крови.

Но конца не было, всегда была ещё одна битва, которая ждала его, всегда кто-то ещё нуждался

в спасении, всегда слишком слаб, слишком медлителен, слишком опоздал, чтобы что-то изменить.

Пока, наконец, он не оказался один в бесплодной пустоши, обрамленной в алый и черный цвета человеческой кровью и искореженным металлом. Поле разбитых мечей его единственные спутники, поскольку он был окружен врагами со всех сторон.

Нет магии, нет вариантов, нет времени. Закрыв глаза и испустив последний прерывистый выдох, он ждал момента, когда артиллерийский удар поразит его позицию.

«Вот как его путь подошел к концу... Мне не жаль его. Не жаль его. Не жаль... и все же, если такая судьба уготована мне... тогда мои... наши идеалы были не более чем безнадежной фантазией, а наша мечта – бесконечным кошмаром. Мое сердце готово разорваться на части от неизбежного».

Прежнее возбуждение Руби исчезло, и несколько всхлипов вырвалось из груди девочки в капюшоне, когда она уткнулась в объятия матери. Пирра и Нора открыто плакали, в то время как волосы Янг пылали, а ее кроваво-красные глаза искали что-нибудь, что можно было бы уничтожить.

Вайсс и Блейк не были так близки к белокурому рыцарю, как остальные, но даже их отталкивало то, что они видели. Мир так основательно растоптал его мечты, что саму горечь можно было даже почувствовать.

— Вот ведь, парень... Что бы ни случилось, мне искренне жаль, что тебе пришлось пройти через это, — пробормотал Роман со своего места. В другом мире он мог бы стать Арчером, если бы не отказался от системы и вместо этого продолжил продвигаться вперед со своей мечтой стать героем. Остальные взрослые просто кивнули с мрачными лицами.

Мечи Арчера пронзили мечи Жона и разнесли вдребезги копии, тяжесть удара прошла сквозь них и оставила две борозды в нагруднике Жона, вынудив рыцаря упасть на землю. Жон тяжело дышал, когда его мысли вернулись в настоящее, холодный пот выступил у него на лбу, а тошнотворное чувство усилилась. Ему оставалось только отступить и попытаться прийти в себя.

— Тошнит, да? Судя по твоей физиономии, ты, должно быть, понял, какая тебя ждет судьба. Это все правда. Вот, что на самом деле означает догнать меня. Ты еще не вбил это в свой толстый череп? Позволь мне снова показать тебе мир, в котором я встретил свой конец, — бледно-голубой свет начал просачиваться из тела Арчера, когда дух вытащил свою магию на поверхность.

Тело из мечей стальных сплетено,

Кровь – металл, а тело – стекло.

Пробившись сквозь число несчетных битв,

Ни разу так и не отступив,

Ни разу никем так и понятым не был.

Тот, кто вечно один и всегда одинокий, пьянённый победой на холме из клинков,

В жизни такой – смысла всё лишено,

Ведь тело то самое из мечей сплетено.

Трещины появились в самой реальности, и из трещин полился яркий свет. Когда исчезнувший мир изменился, руины Бикона были заменены пустошью. Бесплодная земля простиралась от одного края горизонта до другого.

Гигантские шестеренки висели в небе как часть какого-то часового механизма, металл проржавел так сильно, что ни одна из шестеренок больше не вращалась. Густой черный смог покрывал небо, и зловоние пепла присутствовало повсюду.

Но самым поразительным в новом мире были воткнутые в землю мечи, бесконечное количество клинков, что мерцали в грязи, несмотря на отсутствие солнечного света; чистейшее серебро и золото не было тронуты коррозией, затронувшей все остальное.

— Что это? — от шока Озпин даже выронил свою чашку, отчего горячий напиток разлился повсюду, но мужчина даже не заметил.

— Зеркало Души. Самое истинное манифестация его души, — ответил Бланк.

— Новое Проявление? Значит, все это иллюзия? — спросила Гудвич, пытаясь собрать из увиденного хоть какой-то смысл.

— Нет, это высшее форма выражения его магии, его личный мир. Техника, доступная только тем, чье ядро искривлено до самого основания. Зеркало Души – это полное отрицания реальности, замена реального мира собственной версией владельца.

Его может использовать только тот, кто всей душой отвергает мир за то, что он неправ, плюет в лицо реальности и Богам.

Зеркалом Души Арчера называется «Край Бесконечных Клинков», мир, наполненный неисчислимым количеством мечей, где каждое оружие он когда-либо видел, где каждая

вариация, что он только может придумать –, все они существуют здесь для него и готовы к использованию.

Будь то в прямом бою или как почти неостановимые снаряды, отсюда и происходит его класс Арчера, лучник.

— Больно дышать, не правда ли, это жжение в легких. Оглянись вокруг, парень, вот кем ты в итоге станешь. Сломанная машина, от которой ничего не осталось, годная только на роль оружия.

Вот куда ведет путь героя. Теперь ты понимаешь свою глупость? Мечта спасти всех заканчивается только тем, что ты не спасешь никого. Ты неполноценный, подделка, фальшивка, которой никогда не должно было быть.

Тебя постоянно преследовала удача, что позволила тебе зайти так далеко, чем ты имел на то право, но рано или поздно этот долг должен быть выплачен. И его цену ты никак себе не позволишь.

Я твой идеал, Жон Арк, и именно поэтому ты никогда не сможешь победить меня.

Жон рыкнул и с ревом поднялся на ноги, серебристый свет окутал сломанную рукоять Кроцеа Морс, возвращая меч в первозданное состояние.

Бросившись к Арчеру с кажущейся увеличенной скоростью, Жон замахнулся шквалом ударов, стиснув зубы, когда каждый из них был парирован почти без усилий – боевые способности Арчера увеличились только благодаря тому, что он находился в своем мире.

— То, что ты отрицаешь меня, вполне естественно. Как воплощение идеалов Жона Арка, ты будешь отвергать меня больше, чем кого-либо другого в этом мире. Насколько же далеко ты сможешь продвинуться в своем обреченном путешествии?

Их мечи постоянно скрещивались в мире мечей. Ни один из них не желал сдавать позиции, даже под тяжестью давления, раны начали скапливаться на них, когда они обменивались ударами, даже не мысля о защите.

Пока, наконец, Арчер не зажег один из мечей Жона на месте своим собственным.

— Даже после всего увиденного, ты вознамерился стать героем?

— Суть не в том, что я хочу стать героем, а в том, что я им стану! — взревел Жон и ударил другим мечом, только для того, чтобы Арчер тоже поймал его, и они оказались спиной к спине.

— Станешь им? Да, стать героем единственное, что когда-либо страстно желал Жон Арк... даже если твои мотивы исходят не из сердца.

— Хргк! — прорычал Жон и попытался освободиться, но безуспешно.

— Судя по твоей реакции, ты и сам знаешь правду. Мои воспоминания о прошлом почти исчезли, растворились в монотонности войны. Но осталась пара вещей, которые застряли во мне.

Истории, которые мне рассказывали дедушка и отец. О том, как они были охотниками, которые спасали тех, кто не мог спастись от Гримм. Я, у которого никогда не было определенной цели, цеплялся за эти истории, как утопающий, что жаждет спасения. Мысль о том, что у кого-то столь блеклого, как я, есть такое наследие...

Я хотел жить в соответствии с этим. Хотел проявить себя. Вот здесь-то и началось наше путешествие. Сказки о рыцаре, убивающем драконов и спасающем принцесс, они всегда вдохновляли нас, мы хотели быть похожими на них, на наших предков. Вот только жизнь не сказка, — Арчер горько улыбнулся и сплюнул на землю.

— Дети любят возвышать родителей. Но то, что оставили они нам — проклятье, пытаться жить так, как не жил никто, даже наши собственные предки. Твоя мечта не более чем подержанная вещь, взятая лишь потому, что больше тебе не к чему стремиться. Просто скопировал то, что кто-то считает правильным. Кто-то вроде тебя, кто пуст до глубины души, думает, что может спасти других? Это просто верх гордыни! — Кроцеа Морсы Жона разлетелись вдребезги, когда собственные версии Арчера прорезали их сталь.

Одним взмахом Арчер перевернул свое оружие в обратную сторону и вонзил то в ногу Жона зачарованным клинком, проходящим прямо сквозь защиту ауры, вынуждая рыцаря закричать от боли.

Вырвав оружие в потоке крови, Арчер развернулся и ударил Жона в грудь, разорвав его броню и отправив его в полет назад. Рыцарь попытался подняться, но сделал это только наполовину, прежде чем рухнуть на колени, драгоценная, дающая жизнь кровь вытекала из его ран и собиралась вокруг него.

— Нет! — ахнула Пирра, когда Жон упал и больше не поднимался.

— Ну и что с того, что его мечта изначально не была его собственной? Ну и что с того, что его мечта родилась из эгоистичных побуждений? Нет ничего плохого в желании спасти людей! — Руби указала на экран полными слез глазами, высказав свои мысли.

— Просто потому что все закончилось неудачно, ещё не значит, что мечта был провальной. Просто потому что ты потерпел неудачу, еще не означает, что нужно сдаться и перестать двигаться вперед. Вставай, Жон!

Всю свою жизнь Руби мечтала только об одном: стать такой же, как ее мама, стать героем, способным помочь другим. Жон был ее первым другом в Биконе, и из всех ее друзей, действительно единственный, кто понимал ее мечту.

Остальные члены ее команды, NPR, все были здесь, чтобы стать охотниками и охотницами по своим собственным причинам, но Жон был единственным, кто хотел стать героем, так же как и она. И она никому не позволит пренебречь этой общей мечтой, даже повзрослевшей версией его друга.

Гнетущая аура Зеркала Души сильно подавляла Жона, когда он изо всех сил пытался пошевелиться, вес нерастраченной жизни толкал его вниз, в самую тьму.

Его мысли путались и замедлялись, душа тонула в бесконечном океане отчаяния. Он смутно различал, что Арчер что-то говорит, однако сами слова было трудно разобрать.

— Бегаешь в своем высокомерии, пытаешься заставить мир принять твое видение, хотя ты всего лишь никчемная подделка. Пытаешься спасти мир... ты даже не знал, кого нужно спасти и как это делать! Оглянись вокруг, вот он результат твоего лицемерия. Твои идеалы ничто, ставил других выше себя, пытался сделать всех счастливыми, чтобы ты тоже смог найти счастье в этом... все это просто сказка. Если эта мечта все, что у тебя есть, то пусть она утащит тебя на дно и навсегда утопит во тьме.

Жон блекло пялился перед собой, его зрение то расплывалось, то фокусировались из-за ран.

«Он ведь прав, не так ли? Моя мечта никогда не была моей с самого начала, я просто принял ее как свою собственную, когда был ребенком. Из-за того, как красиво звучали все эти истории. Я хотел стать героем... но в конце я всего лишь подделка. Лгу родителям, лгу друзьям, лгу себе... Я ведь все тот же дурак, который пробрался в Бикон с поддельными документами, да?»

— Это неправда. Ты уже не тот человек, каким был, когда впервые пришел в Бикон. Ты вырос и стал лучше, чем кто-либо из тех, кого я встречал за столь короткое время. Вставай, Жон. Я не верю, что мой лидер так легко сдастся. Если ты не можешь сломать стену перед собой, то найди способ обойти её. Вот за таким человеком я бы последовал в бой. Так что. Вставай, — сказал Рен голосом, полным убежденности.

— Во-во, покажи себе старшему кто здесь босс, бесстрашный лидер! — Нора потрясла кулаком в воздухе, чтобы показать свою поддержку. Пирра сидела рядом с ней и ничего не говорила, но её глаза горели уверенностью в её партнере.

«Но, несмотря на все это, я чувствую, что есть кое-что, что он забывает», — зрение Жона потемнело, когда он погрузился в воспоминания Арчера, пробегая через многие поля сражений, на которых он сражался, и их последствия.

Разрушенная заснеженная деревня на окраине Атласа, «Я видел ад».

Горящая пустошь, заполненная разлагающимися трупами Гримм, а на заднем плане гремела пушечная пальба, «Я видел ад».

Шахтерский городок, где он впервые убил человека, «Я видел ад».

Меч покрывал поле битвы, где он испустил свой последний вздох, «Я видел ад, что меня ждет».

По мере того, как Жон все глубже погружался в его сознание, он проснулся внутри «Края Бесконечных Клинков». Другая версия, без ржавых шестеренок и густого смога. Небо пылало, сияющее зарево заката окрашивало все вокруг в цвета осени.

Повсюду были разбросаны пучки зеленой травы, слегка колыхавшиеся на ветру. Другой Арчер стоял спиной к Жону. В отличие от того, с кем он сражался, этот больше походил на его прежнюю сущность и был лишен враждебности, только вокруг него витала меланхолия.

— Ты потерял многое, — Жон заговорил первым, как только стало ясно, что Арчер не собирается этого делать.

— Разве? Хмф, ты ошибаешься. Я здесь потому, что упрямо отказывался терять кого-то еще, но оно все равно все ускользало у меня из рук. Может быть, если бы я был сильнее, быстрее, искуснее.

Может быть, если бы я тренировался усерднее... но ведь так было всегда, не так ли? — произнес Арчер печальным голосом, когда мир исчез в видении Жона, сменившись знакомым кошмаром.

Вейл горел, и Гримм бесновались на улицах. Дракон Гримм неистовствовал через ряды охотников, в то время как взломанные роботы добавляли хаоса. Крики умирающих эхом

отдавались в небесах, взывая о спасении... но ни один Бог не ответил на молитвы проклятых. Вот оно, падение Вейла, мастерски спланированная атака Синдер, самый первый ад, свидетелем которого стал Жон Арк.

— Пиздец, — выругался Кроу и сунул карточку льен в баночку ругательств Руби, и те же эмоции прочувствовали все присутствующие в безмолвном кинотеатре. Они слышали об этом раньше от Короля Жона, о том, как весь их мир будет перевернут во время фестиваля Вайтел, но это... видеть, как это происходит на их глазах, было не то, к чему они могли быть готовы.

Жон увидел свою более молодую версию, спорящую о чем-то с Пиррой. Ни один из них не отступал, и смирение было написано на лице Пирры. Незванный, Жон заговорил, хотя и знал, что это всего лишь воспоминание, что его младшая версия не сможет услышать его и начать действовать вовремя.

— Эй, ты ступаешь прямо в ад.

Как он и предсказывал, ничего не изменилось, герои этой трагической пьесы продолжали разыгрывать свои роли именно так, как он их помнил.

— Иди, доберись до Вейла и позови помощь.

— А? А ты тогда что собралась делать? — спросил Жон, и его лицо побледнело, когда он увидел, что его партнер повернулась лицом к вершине башни, куда ушла Синдер.

— Нет, Пирра, не смей! Ты же видела насколько она сильна! Пирра, я не пушу тебя-... — Пирра прервала Жона поцелуем, ошелобив рыцаря и убедившись тем самым, что он не сможет остановить ее.

— М-мне жаль, — сумела заикнуться Пирра, прежде чем толкнуть Жона назад, отправив его спотыкающимся в ракетный шкафчик, а после дверь захлопнулась.

— ПОДОЖДИ, СТОЙ! НЕТ! ПИР, ПРОШУ, НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО! — истерически взмолился Жон, когда понял, чего добивается Пирра. Его мольбы не были услышаны, когда его партнер шагнула назад, не сказав больше ни слова. Ракетный движок активировался, и это был последний раз, когда он видел своего партнера.

— Нет... — прошептала Пирра тихим голосом, дрожа как осиновый лист. При любом другом раскладе она была бы счастлива увидеть, как наберется смелости поцеловать Жона.... но только не так. Не с этой обреченностью в нем...

Именно это заставило Жона шагнуть по тропе тьмы. И это была ее вина.

Она обнаружила, что снова оказалась в объятиях Нора и Рена, на этот раз даже команда RWBY присоединилась, чтобы утешить свою подругу.

— Тсс, просто выпусти все это, Пирра, все будет хорошо. Этого еще не случилось, и что бы ни стало причиной этого, мы все еще можем это избежать. Ты, я, Ренни, Жон-Жон и команда RWBY. Мы не позволим этому случиться с тобой, — прошептала Нора заботливым тоном, ее привычная жизнерадостность исчезла подчистую.

Не в силах больше сдерживаться, Пирра разрыдалась взхлеб.

Старшая версия Жона закрыла глаза и выдохнула, даже после стольких лет воспоминания все еще жгли его. Он дожил до следующего дня, а его партнер – нет. Синдер позаботилась об этом.

— В тот день умерла мой партнер, которая должна была свершить великие дела для всего мира. Какой был гребанный смысл в том, чтобы никчемный старый я выжил в этом аду? Почему меня пощадили, когда ее – нет?

Ещё одно воспоминание шевельнулось на краю его сознания, и постепенно атмосфера депрессии вокруг него исчезла, сменившись надеждой. Легкая улыбка появилась, когда воспоминания потекли через него, обо всех временах, проведенных с его партнером, и о том, как даже после того, как она ушла, ее память продолжала давать ему силу. И он сделал первый шаг вперед.

— Эй, ты ступаешь прямо в ад.

Жон остановился как вкопанный, когда до него донесся голос «Арчера». Его крошечная улыбка превратилась в улыбку, которая достигала его глаз.

— Вот что ты забыл. Признаю, сначала это было лишь восхищением моим семейным наследием. Но в конце это восхищение изменилось, и мои мечты стали строиться на желании. Желании не допустить этого ада. Несбывшемся желании женщины, которая лишь мечтала помочь другим, но в конце потеряла все.

Горящая школа исчезла, сменившись новым воспоминанием. Заснеженные здания Аргуса виднелись за верхушками деревьев, но внимание Жона было приковано исключительно к статуе Пирры, служившей памятником павшим.

Жон изо всех сил пытался что-то сказать, что угодно, но слова не шли у него с языка. Сожаление и чувство вины разъедали его изнутри, у него даже не хватило духу извиниться.

— Очень красиво, не правда ли? — голос отвлек его от внутреннего смятения, женщина, поразительно похожая на его потерянную партнершу, стояла в каком-то метре от него с букетом красных цветов в руке.

— Ага. Эм, почему здесь?

— Она училась здесь. Академия Санктум. Все так расстроились, когда она выбрала Бикон вместо Хейвена. Никто не хотел её отпускать, но она хотела быть именно там. Я рада, что её окружали такие прекрасные люди.

Глаза Жона затуманились, когда он боролся с желанием снова заплакать, и если бы он начал, то уже не остановился бы.

— Это она должна стоять здесь.

— Она и стоит, — Жон молчал и мог только смотреть на женщину рядом с ним. — Она понимала, что была обязана попытаться. Я не думаю... что она сожалела о своем выборе. Потому что охотница бы понимала, что на самом деле тут нет никакого выбора. И она всегда... хотела быть именно охотницей.

Жон молчал ещё несколько секунд, прежде чем снова посмотреть на статую.

— Пирре не суждено было выпуститься. Но она была охотницей.

— Спасибо.

Жон хотел бы сказать что-то еще, но Рен, окликнув его по имени, отвлек его. Когда он снова обернулся посмотреть туда, где стояла женщина, она исчезла, остался лишь букет цветов, положенный на пьедестал статуи.

«Она знала, что, скорее всего, не выиграет и не вернется. Но даже так, она знала, что была единственной, кто мог попытаться. Спасибо тебе за все, Пир, и, пожалуйста... продолжай присматривать за мной».

Воспоминание снова исчезло, оставив Жона стоять в более чистом «Крае Бесконечных Клинков». Шаг за шагом он взбирался на холм, где на самой вершине его ждала цель. Знакомый меч, который он знал так же хорошо, как и сам Кроцеа Морс, который ждал его.

Когда он потянулся к нему, "Арчер" заговорил в последний раз.

— Ты продолжишь идти по этому пути? Даже если это означает, что твоя жизнь станет бездумным оружием?

— Да. Пусть даже жизнь будет полна лицемерия. Даже если я в итоге потерплю неудачу. Я буду продолжать стремиться стать героем.

Руки, схватившие рукоять меча, вспыхнули пламенем и начали выжигать сомнения, терзавшие его разум, оставляя только место для решимости.

— Разве я могу как-то иначе? — достав Майло из земли и гордо подняв его в воздух, клинок испустил вспышку света, которая смыла видения и вернула Жона к реальности.

— Задай им, парень, — тихо сказал Роман со своего места. Сожаление не было чем-то, что он испытывал долгое время, но эта вселенная... что-то в его душе резонировало с ней. Призраки его старых товарищей по команде... интересно, наблюдают ли они за ним, разочарованы ли они им? Когда он, наконец, отправится в послежизнь, он задавался вопросом, какой прием они ему окажут.

Подавленный миром, потерявший дорогих друзей, неспособный что-либо изменить, Жон на экране был зеркалом, заставлявшим его вспомнить те вещи, которые он давно хотел похоронить. Роман Торчвик, профессиональный вор, заглянул внутрь и оказался лицом к лицу с призраком Романа Торчвика, охотника.

...— Нео? Когда мы выберемся отсюда, нахер Синдер. Я больше не работаю на эту суку, — Торчвик на мгновение замолчал. Когда слова были сказаны, они почему-то казались такими правильными, первое правильное решение, которое он принял за очень долгое время. И... это было чертовски приятно, словно какая-то тяжесть спала с его плеч.

Нео молча кивнула и улыбнулась, радуясь, что ее приемный отец снова взял себя в руки.

Стоявшее на коленях тело Жона продолжало безучастно смотреть вперед, пока Арчер ждал, что побитый рыцарь наконец упадет и умрет.

Его глаза задергались от едва скрываемой ярости, когда белый свет окутал умирающего рыцаря, а его раны начали стягиваться, оставляя только неповрежденную кожу.

— Что?! Кх, усиление ауры! Проявление, которое я отбросил так давно. Единственная вещь, которая поддерживала меня так долго, пока я не променял её на магию. Но ведь сейчас, к этому моменту, он его не отдавал! — осознание поразило Арчера подобно кирпичу, и его лицо было омрачено хмурым взглядом.

— Тело мое... — прошептал Жон себе под нос, достаточно громко, чтобы Арчер услышал его.

— Ублюдок, ты не посмеешь! — взревел Арчер и швырнул обе копии Кроцеа Морс в сторону Жона, пытаясь проткнуть рыцаря прежде, чем тот успеет закончить заклинание. Но было слишком поздно.

— ...есть СТАЛЬ! — закончил Жон со своим ревом, и синий свет вспыхнул в его руках, показывая копии Майло и Акуо. Выставив щит вперед, Жон блокировал приближающиеся мечи и поднялся на ноги, решимость была написана на его лице.

— Я не позволю побить себя! Меня может побить кто-угодно, но я не позволю проиграть самому себе! — направив Майло на Арчера, Жон бросил прямой вызов себе будущему, заявив о намерении победить второго себя в честном бою. Никаких трюков, никаких обманов, никакого бегства – только победа.

— Хах... И вот ты перешел за грань, но что с того? Я уже давно прошел твой нынешний уровень, и хоть я не знаю, где ты нашел в себе силы снова встать, но даже с твоим

открывшимся вторым дыханием должно быть совершенно очевидно, насколько ты мне не ровня.

— И? Мои руки и ноги в норме, мой дух едва не пал. Я признал, что ты прав, что все мои усилия напрасны. Мой дух был слаб, и я сдался... но потом я вспомнил. Я вспомнил, за что боролся все это время.

Даже если меня ждет отчаяние, я продолжу двигаться вперед. Ты просто человек, пойманный в ловушку прошлого, и прямо как ты отвергаешь меня, я использую все свои силы, чтобы победить тебя.

И с этими словами битва возобновилась. Полетели искры, когда оба Жона делали все возможное, чтобы убить друг друга. Майло и Акуо постоянно ломались, и каждый раз Жон проецировал новую копию.

Каждая рана, которую он получал, исчезала в серебряном сиянии, поскольку его проявление работало на пределе возможного, чтобы держать его на том же уровне, что и его будущего.

Самого Арчера медленно теснили назад, даже если он все еще сохранял преимущество. Чем дольше он сражался, тем больше его навыков и опыта передавалось Жону, позволяя рыцарю сократить разрыв между ними.

— Почему?! Почему ты просто не сдашься! Ты же видел, какая судьба ждет тебя! Ты знаешь, что станешь мной! Отягощенным бесконечными сожалениями и неудачами! Почему ты всё ещё сопротивляешься?! Неужели ты слеп к правде? Спасение одного и спасение многих – это взаимоисключающие вещи! Ты можешь спасти одного только за счет другого! Убить одного, чтобы спасти десять, бросить десять, чтобы спасти сотню, пожертвовать сотней, чтобы спасти тысячу! Все, чем ты закончишь, это убийцей, вот и все, чем ты когда-либо кончишь!

Жон ничего не сказал, продолжая давить копье вперед, ища лазейки в обороне Арчера. Время от времени переключаясь в режим винтовки и делая быстрые выстрелы, чтобы держать Арчера в обороне, пока его внимание было полностью сосредоточено на том, чтобы образумить его старую версию.

— Если ты не видишь правды, тогда умри здесь, разбейся вдребезги вместе со своими глупыми идеалами, прежде чем ты успеешь стать таким же чудовищем, как я. Мне лишь нужно стереть все следы твоего существования!

Пригнуться, увернуться, взмах, прыжок, верхний порез, увернуться. Танец усилился по мере того, как уровень мастерства бойцов начал выравниваться. Арчер впился взглядом в решительные голубые глаза, которые каждое утро приветствовали его в зеркале, и в них не было ни малейшего колебания или сомнения.

Он разочарованно подавился, пиная Жона, и рыцарь, едва пошатнувшись от сильного удара, поднялся и возобновил атаку.

«Почему? Почему я вообще стараюсь дать ему честный бой? Все, что мне нужно, это сделать пару шагов назад и похоронить его под градом мечей. Если я просто сделаю это, я выиграю... так почему же тогда мне кажется, что я проиграю, если сделаю это?! Он итак еле стоит на ногах, так почему бы ему просто уже не упасть?!» — мысли Арчера резко остановились, когда он ударил себя молодого в грудь, только для того, чтобы Жон схватил его за руку, подтянулся вдоль лезвия и пронзил его плечо Майло в форме ксифоса.

С беззвучным криком Арчер отбросил его от плеча и ударил сапогом в живот Жона, заставив рыцаря снова упасть назад и уронить из рук Кроцеа Морс. Жон прокатился по земле, прежде чем неуверенно подняться на ноги, рана уже закрывалась благодаря его проявлению.

— Ничего не изменится! Ничто никогда не изменится! Почему ты по-прежнему продолжаешь стоять?! Ты уже должен был понять всю бессмысленность своей борьбы! Просто. Уже. Лежи!

— Хех. Что за чушь! Ты тут передо мной, и ты ни разу не отступил, неужели ты всерьез ждешь от меня, что я поступлю как-то иначе? — слегка покачиваясь, Жон сделал глубокий вдох и сосредоточился, снова поднимая оружие Пирры в боевую стойку.

«Ну конечно, как я же мог забыть. Ведь Жон Арк такой человек, который просто не знает, когда пора прекратить. Независимо от того, насколько сильно шансы складываются против него, сдача никогда не является вариантом. Никогда не уходил, никогда не отступал, никогда не сдавался, пока ему было за что бороться. Я бы узнал этот взгляд где угодно», — лицо Арчера исказилось гневной гримасой, когда с неба раздался громкий щелчок. Ржавые шестеренки, которые давно перестали вращаться, задвигались одним зубом.

— Ты. Ты совершаешь те же ошибки, что и я когда-то. Глупец, полагающий, что он может спасти мир только потому, что у него есть немного силы, и в конце концов обрекший всех своей гордыней. Не отступает, даже перед лицом забвения, — Арчер закрыл глаза и подключился к мощи «Края Бесконечных Клинков». Несколько мечей вылетели из земли и зависли в воздухе рядом с Арчером. — И ты кончишь так же, как и я, потеряв всякую надежду и утонув в отчаянии.

Мечи полетели в сторону Жона, серебряные полосы в воздухе потрескивали, когда они преодолевали звуковой барьер.

Присев на корточки за щитом, Жон принял огромные снаряды в лоб, не успев вовремя увернуться. Ошеломляющая кинетическая сила ударов отбросила его назад даже через его успешный блок, сильно помятый Акуо разлетелся на полпути в частички света.

Его рука была сломана, но Жон не обращал внимания на боль. С тихим вскриком вправив ту на место, его аура начала восстанавливать повреждения. Снова поднявшись на ноги, он холодно и решительно посмотрел на себя будущего.

— Потеряю надежду? Утону в отчаянии? Уже пройдено. Благодаря своим друзьям я выбрался из тьмы. Возможно, мое желание фальшиво, возможно, я правда не более чем подделка, выдающая чужие идеалы за свои собственные. Ну и что с того?! Я увидел в этой мечте красоту, ту же самую красоту, которую когда-то увидел и ты! Неужели ты думаешь, что я не осознаю своего лицемерия?! Никто не знает его лучше меня! За все мое время в Биконе я был слаб. Всегда был тем, кто нуждался в спасении, всегда тот, кто тянул всех вниз, всегда тот, кто не мог стоять в одиночку! Я был слишком слаб там, где это было возможно, и Пирра заплатила за это!

Жон сделал шаг вперед, и Зеркало Души задрожало в ответ, бесконечный смог в небе сдвинулся, когда несуществующий шторм снес его.

— Но знаешь что? Я всё ещё стою! Я всё ещё жив! Моя партнерша может и погибла, но её дух по-прежнему со мной! И знаешь, что ещё? Рен, Нора, команда RWBY, они все ещё живы! В отличие от тебя, я их ещё не потерял и никогда не потеряю! Я, у которого ничего не было, получил все благодаря им! Даже если моя мечта изначально была не более чем обманкой, в ней еще тогда таилась красота, но теперь она выросла в нечто гораздо большее, чем просто детские надежды стать героем. Ты ведь помнишь, правда? Что до тех пор, пока они дышат, они никогда не перестанут бороться за добро, пытаться сделать мир лучше. Я сражаюсь не только за то, чтобы стать героем! Я сражаюсь за своих друзей! Чтобы создать мир, в котором им больше не придется плакать! Это моя мечта! И МОЯ МЕЧТА НЕ ОШИБКА! — заявление Жона было прервано взрывом магии.

— Хорошо сказано, — Озпин поставил свою кружку с кофе и поднялся на ноги, аплодируя своему студенту стоя. Действие, которое поддержали остальные зрители, включая Торчвика и Нео.

Впервые за много лет бесконечный смог, покрывающий мир души Арчера, рассеялся, открыв чистое голубое небо, скрытое вдали. Собственное Зеркало Души Жона столкнулась с Зеркалом Души Арчера, воспользовавшись смятением в сердце сребряноволосого мужчины, чтобы потеснить то.

С проецированными Майло и Акою, Жон бросился вперед из последних сил, когда его проявление исчерпало себя, а вся его аура иссякла вместе с магическими резервами. Он

вышел далеко за свои пределы, и это было все, что ему оставалось. Один последний удар – вот все, что он может дать, и этого должно оказаться достаточно.

Правый глаз Арчера закрылся от боли, когда на него напала мигрень, воспоминания, которые он потерял во времени, всплыли через резонанс души. Так же, как его воспоминания передались Жону, так же и воспоминания Жона передались ему.

— Хргх! Хватит уже, УМРИ! — вытянув руку, Арчер выпустил несколько сотен мечей в сторону Жона, и эти снаряды превратились в серебряные полосы, обещающие смерть одним ударом. Ни один из них не нашел своей цели, из-за его рассеянности, большинство мечей приземлились безвредно вокруг Жона, оставляя значительные взрывные воронки везде, где они сталкивались. Те, что оставались на цели, Жон либо отклонял при помощи Майло, либо блокировал Акою; рыцарь отказывался отступать со своего пути.

— Если ты моя судьба, тогда я сражу тебя и продолжу двигаться вперед! Я отказываюсь верить, что мое будущее нельзя изменить! Я БРОСАЮ ВЫЗОВ СВОЕЙ СУДЬБЕ!

Когда измученный Жон добрался до Арчера, рука мужчины в мгновение ока взметнулась над головой, Кроцеа Морс был готов к тому, чтобы низвергнуться казнью, которой Жон никак не мог избежать.

Перед глазами Арчера вспыхнуло старое воспоминание. Более простое время, пока все не полетело в ад, а его путь к гибели не был зацементирован.

Перед Падением.

— Когда я думаю о судьбе, я не думаю о predetermined судьбе, от которой нельзя убежать.

Скорее... о какой-то конечной цели, к которой ты стремишься всю свою жизнь.

Пирра говорила ему об этом много лет назад. Он совершил ошибку, оттолкнув ее по тропе в ад вместо того, чтобы поддержать. После всего, что случилось потом, он просто... забыл о том разговоре, были более насущные проблемы, которые нужно было решить. Тогда он не понимал, что это значит, и не думал об этом уже много лет.

Но сейчас?

Оно вернулось к нему, чтобы преследовать его в облике его молодой версии. И, возможно, это был не более чем трюк его усталого ума, но Арчер мог поклясться, что видел призрачный образ своей партнерши, парящей позади Жона. В ее глазах не было разочарования, только ожидание.

«В конце концов, она была первой, кто поверила в меня. Ах... это ужасно. Словно смотрюсь старое зеркало. Там ведь и правда был человек», — руки Арчера задрожали, но он не мог заставить себя ударить вниз, позволив Жону сократить дистанцию и всадить Майло прямо ему в грудь.

— Я победил, Арчер, — произнес Жон, пока они неподвижно стояли на месте.

— Агх, а я проиграл, — отпустив меч, Арчер упал на спину и уставился в ясное голубое небо над головой.

Медленно, Зеркало Души развалилось, и внутренний дворик Бикона вернулся, ночное небо было полно звезд, и разбитая луна висела над головой; обыденное зрелище, которое захватывало дух этим вечером.

— Знаешь, я не смог спасти никого. Я не смог спасти Пирру, не смог спасти Вайсс, не смог спасти Руби... одного за другим я хоронил своих друзей. Я устал терять все, устал хоронить своих друзей. Я хотел жить по их памяти, но чем больше я старался, тем больше она ускользала от меня, — признал Арчер и закрыл глаза, никаких осуждающих слов от Жона не последовало.

— Когда я пошел на свою смерть, у меня ничего не осталось. Все это было лишь угасающим воспоминанием. Даже мои драгоценные друзья, которые были дороже мне моей собственной жизни, исчезали, как полузабытый сон, когда я тонул во тьме, что сотворил я сам. Вся та кровь, которую я пролил, все те жизни, которые я разрушил — все лица просто перемешались вместе через какое-то время. «Край Бесконечных Клинков», манифестация моей души, все ржавеет под давлением, кроме оружия. Долгое время я думал, что моя судьба быть не более чем оружием, которое сражается, пока не сломается. В какой-то момент я устал и перестал надеяться на то, что все станет лучше. Я не хотел, чтобы ты разделил мою судьбу, но и помочь я никак тебе не могу.

Жон посмотрел на звездное небо, словно ища ответы, а потом улыбнулся и рассмеялся.

— Мы ведь правда вруны да обманщики. Ты просто стал лучше лгать самому себе, чем я когда-либо. Знаешь, у меня на самом деле была заготовлена целая речь о том, как я не собираюсь проиграть версии самого себя, которая даже не потрудилась попробовать. Но теперь я понимаю, что ты всегда пытался, просто не так, как я ожидал.

— Ох?

— Не можешь помочь мне? Благодаря тебе у меня есть магия и навыки, которые ты оттачивал всю свою жизнь. Мало того, моя аура и проявление, которые ты принес в жертву реликвиям, никуда не делась. Мои друзья... все еще со мной. И ты дал мне инструменты, которые мне нужны, чтобы сохранить их. Я не собираюсь запира́ть их в башне, я буду сражаться вместе с ними со всем, что ты дал мне, чтобы вырезать наш собственный кусочек рая здесь, на Ремнанте. Ты все время говоришь, что надежды нет, но на самом деле, из всех нас, разве не ты

больше всех ставишь на надежду? Ведь это ты бросился в прошлое в надежде изменить его.

— Хехехехе... хахахаха.... ХАХАХАХАХААХ! — Арчер присоединился к смеху себя молодого, увидев иронию ситуации. Слезы текли по его лицу, было ли это от сожаления, печали или радости, он не мог сказать, да и не думал он, что это имело значение.

— И забыть всех? Просто оружие? Едва ли, может быть, ты этого и не заметил, но вот я определенно заметил. «Край Бесконечных Клинков» – это не оружейный завод или склад для твоего арсенала. Это нечто гораздо большее, это ядро того, кто мы есть. И ты просто позволил своему сомнению затуманить его смогом, чем и обманул себя. Чуть ранее ты говорил, что хочешь показать мне мир, в котором оказался, а теперь позволь мне показать тебе правду об этом мире.

Жон мягко улыбнулся и порылся в своих резервах. Он был измотан до мозга костей, но это было то, что нужно было сделать, чтобы отправить усталый призрак своего будущего на мирный покой, в котором ему так долго было отказано.

Тело из мечей стальных сплетено,

Тело – металл, а сердце – стекло.

Пробившись сквозь число несчетных битв,

Ни разу так и не отступив,

Ни разу из рук победы так и не отпустив.

Тот, кто гордо один, с товарищами един на холме из клинков.

Сколь сожалений не было велико, путь я выбрал, и пройду по нему до конца,

Ведь судьба, что выкована мной, стоит в Крае Бесконечных Клинков.

И снова реальность разбилась вдребезги, чтобы быть замененной Зеркалом Души. На этот раз шестеренки отсутствовали, и небо не было затянуто смогом. Это был тот же самый закатный мир, в котором оказался Жон, когда его похоронили сожаления Арчера.

— Мир закатов? Но разве это не...

— Возможно, для тебя это закаты, однако я вижу лишь восход. Этот мир не реален, и кто сказал, что солнце не может снова взойти после захода солнца?

— Ха, как это похоже на нас, сделать невозможное возможным, да?

— Ну разумеется, на кой спрашивать? А теперь, по-твоему, это похоже на оружейный завод? Разве все это выглядит так, будто было предназначено для войны или массовых убийств? — спросил Жон, когда Арчер уставился на множество мечей, разбросанных по всему ландшафту, каждый из которых торчал прямо, как будто бросая вызов.

Сначала он не осознавал, что должен был увидеть, это была просто другая версия его Зеркала Души, менее искаженная, но, несомненно, цель была той же самой... ах. Вот оно что. Все это время смотрели ему прямо в лицо. Он и правда был слеп, чтобы не увидеть очевидного.

— Хахахаха... Ха-ха-аха-ха-ха! О, какой же я все-таки дурак. Подумать только, ты, кому потребовалось всего пара минут, чтобы указать мне на это, когда у меня были десятилетия опыта работы с этим. Это мое полное поражение, Жон Арк, — Арчер улыбнулся и закрыл глаза, впервые за долгое время он действительно улыбался от всего сердца.

Майло и Акуо гордо стояли на самом высоком холме, окруженном оружием его старых друзей. Кресент Роуз, Эмбер Селика, Гэмбол Шрауд... они все были там. Каждый из них был свидетелем тех уз, которые никогда по-настоящему не рвались.

— «Край Бесконечных Клинков» никогда не предназначался для битвы. Чему он на самом деле служил, так это просто личному эгоизму. Ты же видишь это, не так ли? Даже после того, как ты потерял все, оно все записано в оружии, которое ты хранил в своей душе. Каждое сражение, каждое оружие, которое ты когда-либо видел, все они здесь. Вот почему твое оружие не проржавело, как весь остальной мир, ведь сам мир нематериален, он всегда был в оружии. Этот мир... он твое желание никогда больше ничего не терять.

— Это военный мемориал. Свидетельство жизней, с которыми мне посчастливилось общаться, их истории, хранящиеся в оружии, которое они носили как продолжение самих себя. Действительно, мое полное поражение... Жон.

— Да?

— Твои друзья. Не совершай ту же ошибку, что и я. Не отталкивай их снова. Никогда не отпускай их, слышишь? Никогда, вообще НИКОГДА не отпускай их.

— Ну естественно, мне уже столько раз приходилось выучивать этот урок, но на этот раз, на этот раз он будет последним. Я могу быть неудачником в большинстве вещей, поделкой и обманщиком, но у меня всё ещё есть моя гордость. Я не смогу создать мир, в котором люди, которых я люблю, не будут снова плакать, если я заставляю их плакать.

— Что ж, тогда я здесь закончил. Ха-ха-ха-ха! Не такую судьбу себе я представлял, когда ждал встречи со своим прошлым. Но знаешь что? Я не возражаю.

И с этими словами Жон Арк испустил последний вздох, наконец освободившись от своей ноши.

Жон отпустил магию и позволил Зеркалу Души исчезнуть, когда его другая версия превратилось в частички света. Теперь, когда он умер, и Грааль больше не нуждался в его поддержке. Повернувшись к Сейбер, он обратился к своему товарищу, которая преданно стояла рядом и наблюдала за всем этим испытанием.

— Остался только один, Сейбер. Как только мы победим его, мы наконец сможем уничтожить Грааль ради доброго дела.

— Все так. Как по ощущениям?

— Устал. Но что странно, лучше чем когда-либо. Пошли, нас ждут дела.

Когда два рыцаря отправились на свою последнюю битву, экран погас и зажегся свет.

— И на этом все, — сказал Бланк, и пара красных глаз впились в него.

— Все это конечно замечательно... но что случилось во время фестиваля Вайтел... можно ли это избежать? — спросил Кроу, и, к его всеобщему удивлению, именно Роман ответил ему вместо Бланка.

— А ты как думаешь? Ты хоть немного обращал внимание на сам фильм? Неужели ты всерьез не получил там ответа? Или ты уже забыл, что Бланк собирался позволить тебе сохранить твои

воспоминания и изменить все?

— Вот тебе обязательно быть мудаком, Торчвик? — проворчал Кроу и сунул ещё пару льен в баночку ругательств.

— Если только так можно пробиться сквозь толстый череп, то да. Я прав, разве не так, Бланк? Это все ведь не только ради твоей скуки, не так ли? Ты даешь нам шанс изменить наши судьбы, поскольку ещё ничего не высечено на камне.

— Хм... честно говоря, я не ожидал, что именно ты будешь первым, кто это выяснит, я-то думал, что это будет Озпин, но что я вообще знаю? Как бы это ни было забавно для меня, я на самом деле хотел дать вам всем возможность сразиться со своей судьбой и победить, или, быть может, я просто делаю все это ради какого-то дешевого смеха. Все зависит от вас, и как вы хотите это принять. Если к тому времени, как я тут закончу, ты все еще останешься плохим парнем, тогда тебя ждет стирание памяти, и твоя судьба предрешена, если же нет... ну, ты можешь заполнить пробелы сам.

Бланк оглядел театр и увидел, что студенты все еще пребывают в унынии от увиденного, несмотря на финал. Он бы вздохнул, но их реакция была довольно предсказуемой, как еще они могли отреагировать?

— Что ж, не стесняйтесь освежиться. У вас явно сейчас много забот, так что я оставлю вас на какое-то время.

<http://tl.rulate.ru/book/85766/2756841>